

ЯЗЫК. СЕМИОТИКА. КУЛЬТУРА

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Институт теории и истории мировой культуры

Вяч. Вс. ИВАНОВ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
ПО СЕМИОТИКЕ
И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Том IV

Семиотика культуры,
искусства, науки

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

МОСКВА 2007

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 04-06-В70333

Иванов Вяч. Вс.

И 18 Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4: Знаковые системы культуры, искусства и науки / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ин-т теории и истории мировой культуры. — М.: Языки славянских культур, 2007. — 792 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

ISSN 1727-1630

ISBN 5-9551-0207-8

Том 4 избранных трудов Вяч. Вс. Иванова включает работы, посвященные опыту представления культуры определенного общества в качестве совокупности систем знаков (системы семиотических систем) и каждого из видов искусства (театр, кино, изобразительное искусство) как особой системы. Изучаются аналогии между этими системами знаков и языковыми. Рассмотрены приемы (в частности, монтаж), общие для разных систем эстетических знаков. Изложение ведется на материале истории русского, европейского и древневосточного искусства. Изучено соотношение знаков материальной и духовной культуры, вовлечение природных символов в сферу культуры и науки и эволюция этих семиотических систем.

ББК 83.3

На фронтисписе фотоаграмма светящейся ивИановой

Вячеслав Всеволодович Иванов

**ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
ПО СЕМИОТИКЕ И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
Том IV**

Знаковые системы культуры, искусства и науки

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева. Оператор Е. Зуева

Оригинал-макет подготовлен А. Камкиным

Подписано в печать 24.07.2007. Формат 70 × 100^{1/16}.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 63,855. Тираж 800 экз. Заказ № 7936.

Изд-во «Языки славянских культур» ОГРН 1037789030641

Phone: 207-86-93 E-mail: lrc@comtv.ru Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО ордена «Знак Почета»

«Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова».

214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

© Вяч. Вс. Иванов. 2007

© Языки славянских культур. 2007

Содержание

Семиотика культуры среди наук о человеке в XXI столетии.....	9
Введение в описательную семиотику.....	18

Семиотика культуры

Монтаж как принцип построения в культуре первой половины XX в.	129
Развитие терминологии наук об искусстве и интеграция знаний.....	156
Язык и искусство	160
К семиотическому изучению культурной истории большого города.....	165
Семиосфера и история	180
Историческое введение в изучение библиотек будущего	185
Категория времени в искусстве и культуре XX века	189
Гадание и предсказание будущего на Древнем Востоке и в античном мире.....	227
Знаковая система бессознательного как семиотическая проблема	233
Some Semiotic Aspects of Communication in Culture and Science	239
Универсальный язык культуры и его локальное преобразование (на примере Восточного Туркестана I тыс. н. э.)	251
Культурная антропология в системе наук (Программа нового гуманитарного образования).....	265
Symbolarium. Предложения к словарю символов.....	284
Россия и гнозис	290
О первых русских переводах Платона.....	301
О становлении структурного метода в гуманитарных науках славянских стран и его развитие до 1939 г.	307
Новые данные о предыстории Мудрости в древневосточных текстах	325

Семиотика искусства

Маска как элемент культуры	333
Практика авангарда и теоретическое знание XX века	345
Вейсберг: самоанализ живописца	348
Три выставки и три судьбы: Дега, Гоген, Филонов	352
Об одном типе архаичных знаков искусства и пиктографии	356
Мотивы восточнославянского язычества и их трансформации в русских иконах	395
Нейросемиотический аспект изучения музыки	406
Искусство психологического исследования [О книге Л. С. Выготского «Психология искусства» и монографии «Гамлет»]	431
The Semiotics of Sound Texts: The Diachronic Dimension	485
Искусство несмешанных красок [Аня Краснер]	507
Предельно точно искаженный мир	508
О русском слове «нет» (Интервью)	510

Семиотика кино

Функции и категории языка кино	517
Время и вещи	545

Семиотика театра

Современная наука и театр	555
Пространственные структуры раннего театра и асимметрия сценического пространства	570

Об эволюционном подходе к культуре

Культурная антропология и история культуры	589
Природные символы как элементы знаковых систем культуры	596
Семиотические и культурологические аналоги фонологизации	603

По пути к ноосфере интеллигенции

Интеллигенция как проводник в ноосферу	609
В. И. Вернадский и история культуры древности	632

Семиотика науки

Проблемы изучения иерархической организации знаковых систем	665
Знаковые системы научного поведения	676
Об аналогиях между буддийской логикой и новейшей европейской наукой	690
Наука как объект семиотики	696
Общие термины в языках науки	705

К лингвистическому и культурно-антропологическому аспектам проблем антропогенеза	717
Клод Леви-Стросс и структурная антропология	740
О семиотических аспектах взаимодействия естественных и формализованных (искусственных) языков в коллективе	755
Из прошлого семиотики, структурной лингвистики и поэтики	764

Семиотика культуры среди наук о человеке в XXI столетии*

При всей огромности сделанного в таких областях знания, как квантовая механика, теория симметрии, релятивистская космология, молекулярная биология, уходящее столетие поразительно бедно конкретными научными результатами во всем, что относится к человеку в целом (а не к его «частям», изучаемым в биологических науках) и к человеческому обществу. Высказаны некоторые существенные общие замечания (например, в связи с возможностями применения структурных методов и семиотических принципов), но они лишь в редких случаях сопровождались и проверялись достаточно широко поставленными систематическими исследованиями. Те сферы занятий, которые важнее для понимания социума в целом и психики отдельной личности, остаются на периферии дисциплин, считающихся научными и поддерживающих свою официальную репутацию главным образом за счет предельного сужения круга интересов. Требуется незаурядная доля смелости и независимости, чтобы выйти за пределы специальных и относительно безобидных изысканий, разрешенных и поддерживаемых университетами, академиями наук и правительственными ведомствами. Ниже я коснусь лишь нескольких более обшественных тем, намеченных хотя бы в первом приближении теми учеными, развитие идей которых поможет будущему началу оживления в гуманитарных науках.

Кажется вероятным, что именно по отношению к истории общества и его культуре, а также и по отношению к душевному миру одного человека возникает и сохраняется особенно много предрассудков, препятствующих свободному непредвзятому анализу фактов. Это касается прежде всего основных общественных установлений, оберегающих себя от критики.

* Публикуется по: Одиссей = Odiseus. Человек в истории. 2000. История в сослагательном наклонении? М., 2000. С. 5—15.

Важнейшей проблемой, выдвигаемой перед современной наукой поступательным ходом исторических исследований, является установление универсальных тенденций развития. В этом смысле полному пересмотру должны быть подвергнуты принципы стадияльной периодизации. В качестве примера можно привести недавно обнаруженные тексты (на хурритском и хеттском языках), показавшие значимость для многих цивилизаций Древнего Востока уже с начала II тысячелетия до н. э. обряда освобождения раба. В соответствующих текстах, параллели которым найдены в Ветхом Завете, тягостность рабства пояснена ситуацией, в которой рабом оказывается Бог¹. Те общества, которым в нашей науке присваивали название рабовладельческих, по степени осознания аномальности состояния рабства могут быть сопоставлены с Россией времени Радищева или Америкой эпохи Бичер-Стоу.

Другое направление исследований сосредоточено на исторической критике общественных институтов. Представляется необходимым подчеркнуть важность того радикального сомнения в оправданности большинства традиционных установлений, которое проявили такие первопроходцы, как О. М. Фрейденберг и А. Хокарт. Для Фрейденберг, хорошо знавшей труды Дж. Дж. Фрэнзера, Ф. Боаса, Э. Дюркгейма, Л. Леви-Брюля, Э. Кассирера, основой для такого рода выводов были ее многолетние занятия древнегреческой культурой. Последняя, как известно, стала исходным импульсом для развития всей последующей европейской культуры. Ее типологическое изучение (в цикле лекций, записанном Фрейденберг в блокадном Ленинграде) вылилось в ураганную критику традиционных общественных институтов — не меньшей силы, чем в сочинениях Льва Толстого и Кропоткина². По мнению Фрейденберг, древние формы передаются из архаических времен в цивилизованные в своей морфологической неприкосновенности прежде всего благодаря каузализации³. Фрейденберг находит консервативную тенденцию именно в тех установлениях, которые прочнее всего были укоренены в сознании среднего европейца ее эпохи: «Народ», «народное собрание», «совет старейшин» имеют тоже свои бытовые параллели. Старшие, старые родственники окружают хозяина и влияют на управление домом; им и хозяину противопоставлена безличная семейная масса, ради которой и для которой якобы живут и властвуют семейные владыки. Каузализация выдвигает этот мотив с максимальной силой, создавая величайшее зло, какое только существует в системе условностей поработанного умственными путями человечества. Так вырастает идея о необходимости властвования одного или немногих над обезличенным большинством, о благе которого якобы пекутся властвующие в семье, в племени, в госу-

¹ Neu E. Das hurritische Epos der Freilassung. Wiesbaden, 1996 (Studien zu den Boğazköy-Texten. Vol. 32); Hoffner H. A. Human Civilization from a Hittite Perspective // *Urkish and the Humans*. Malibu, 1998.

² Фрейденберг О. М. Введение в теорию античного фольклора: Лекции // Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978; см. также: Иванов Вяч. Вс. Очерки по предыстории и истории семиотики // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. М., 1998. С. 612—613, 673—674, 688—689.

³ Каузализацией Фрейденберг называет приобретаемую человеком на исходе архаики способность приписывать вещам причинную обусловленность.

дарстве; этих благодетелей якобы следует уважать, ублажать, отдавать за них жизнь, отказываясь от всех ценностей личного и имущественного порядка»⁴.

Подобные гневные обличения установившегося в Европе порядка вещей — не только плод многолетних занятий античностью; здесь слышится голос очевидца сталинских и гитлеровских зверств, доведших до кровавой нелепости вековые незабываемые основы государственности: «История komponуется из одних и тех же материалов, но производит безостановочный процесс перевыбора языка содержания и форм, не меняя их внутренних постоянных связей. И в данном случае вся прежняя система форм остается в своем прежнем виде. Однако это не больше как сохранение одного и того же материала; это не больше чем оформившийся материал, с которым истории предстоит иметь дело. Он один и тот же, он дошел до наших дней как материал все один и тот же. Крепко сидит на своем вековом стержне институт государственности, с управителем, с аппаратом управления, с миллионами управляемых — вся эта нелепая, если посмотреть со стороны, система большего или меньшего самоубиения, подчинения, страдания. Такое государство по своей идее никогда не могло бы быть создано, если б оно не вышло из негосударства и не пришло к самому себе путем неизбежных и неожиданных перерождений. Не повторяя тотемизма, ничем нисколько не связанное с ним, оно слагается из его компонентов, принявших вид известных форм, и повторяет его общий план, схему его, совершенно изменяя в процессе истории соотношение этих форм и принципы их нового существования. Войны не могли бы иметь места у народов XX века; тюрьмы, пытки, концлагеря, тайные полиции, ордена и привилегии, неравенство людей ни в коем случае не могли бы быть сознательно приняты людским обществом. Вся эта система, в своей условности повторяемая в манере жить, строить дома, пользоваться вещами, обращаться друг с другом, проводить свои дни и ночи, — эта система на тысячи ладов обсуждалась историей на всех ее публичных дискуссиях, и все же человечество не выходило за известный круг форм, хотя и слишком кровавых, и слишком дорогостоящих»⁵.

В последней своей части цитированное рассуждение разительно сходно не только по настроению, но и по форме выражения с философской прозой Бориса Пастернака (двоюродного брата Фрейденберг), с которым она обменивалась мыслями на протяжении всей жизни. Если же искать более широкий общеевропейский контекст, можно найти далеко идущие совпадения с написанными примерно в те же годы трудами замечательного английского этнолога А. Хокарта. В своей книге «Короли и советники» (изданной впервые в том же, что и «Поэтика сюжета и жанра» Фрейденберг, 1936 г.), Хокарт на материале ряда древних и архаичных культурных традиций доказывает, что государство возникло относительно поздно и только в небольшом числе обществ⁶. При этом были использованы давно сложившиеся системы обрядов, связанные с обслуживанием священ-

⁴ Фрейденберг О. М. Указ. соч. С. 173.

⁵ Там же. С. 198—199.

⁶ Хокарт А. М. Критерии оценки свидетельств // Природа. 1985. № 12; Hocart A. M. Kings and Councillors. Cairo, 1936 (2 ed. 1970); Иванов Вяч. Вс. Очерки по предьстории... С. 782—787.

ного царя. Пользуясь, как и Фрейденберг, широкими биологическими аналогиями, Хокарт в своем исследовании «сравнительной анатомии человеческих обществ» предложил сопоставление реконструированного им процесса с тем, как биологи описывают появление функций у тех организмов, которые первоначально возникают безотносительно к этим функциям.

Фрейденберг пошла еще дальше в этом направлении. Говоря о возникновении слова с позднейшим значением «раб», она подчеркивает, что «“раб” или “царь” существовали до рабства и до царской власти. Как же могло функционировать представление о вещах, которых не было? ...Античное понятие рождается до факта, который впоследствии передает и к которому прикрепляется... Понятие существует до определяемого им факта и не в силу альтернативы — либо сперва факт, а потом о нем понятие, либо сперва понятие, а потом факт, — а потому, что и самый факт, и понятие об этом факте всегда возникают из непохожих на себя, различных в отношении к себе видов. Так, образ “раба” в отношении к понятию “раб” прогенетичен, до-понятен. Понятие “раб” создано образом, ничего не имевшим общего с этим понятием, а именно этим образом оно и создано, образом, который логически ничуть не связывает сущность социального явления, раба, со словом, эту сущность определяющим. Так понятие “раб” существует еще до того, как рабы исторически появляются»⁷.

В качестве одного из многих подтверждающих эту мысль примеров можно привести слово со значением «раб» в американских индейских языках, в частности, в ирокезских. Первоначальное значение основы, к которой восходит в староондагском (hague)-tchênen «(мой) раб есть», было «приручить, одомашнить, сделать домашним животным» (ср. онондага (wak)-chene-h «(мое) домашнее животное есть», гурон. (a)-seppen «иметь домашнее животное», сенека (ka)-she:ne-h «это — ручное»⁸).

Из тех черт современного общества, бессмысленность которых Фрейденберг обосновывает своим историческим разбором, она подробнее других касается суда. По ее словам, которые кажутся прямым продолжением остраненного восприятия суда присяжных и его отрицания у Льва Толстого (например, в «Воскресении»), «судебно-юридическая система очень вжилась в наш быт, вжилась до такой степени, что мы не замечаем нелепости ее форм. Условность социальных и бытовых институтов находит свою полную аналогию и в области так называемого права. Однако, если бы можно было взглянуть на вещи свежо, если бы родиться сразу, сегодня, не считаясь со вчерашним днем, как показалось бы нелепо, что человек судит человека, что вместо обвиняющего выступает другой, который обвиняет, а вместо защищающегося — другой, который защищает. Позднейшая логика говорит, что судья имеет специальные данные, делающие его разбирателем тяжбы, например, юридическое образование. Однако низовые суды в том и состоят, что судьи в них “выборные”, прямо из народа, а не люди с юридическим образованием»⁹. Все снова и снова возвращаясь к самым злобещим

⁷ Фрейденберг О. М. Указ. соч. С. 56.

⁸ Rudes B. A. Iroquian Vowels // Anthropological Linguistics. 1959. Vol. 37. № 1. P. 42.

⁹ Фрейденберг О. М. Указ. соч. С. 205—206.

чертам гитлеровского и сталинского времени, Фрейденберг перечисляет приметы доживших до нашего века наказаний, ее удручавшие: «позднейшие кандалы, каторга, тюрьмы без света, с решетками на окнах, заточение или тяжкая, сверх сил человеческих, работа, концлагеря с их системой жестокости...»¹⁰.

Подробно разбирая *символику* архаического предправа, Фрейденберг идет по пути, намеченному еще классиками сравнительно-исторических исследований в XIX в. (в России — А. Н. Афанасьевым, Ф. И. Буслаевым и А. А. Потебней). В начале нашего века Н. П. Павлов-Сильванский, которому тоже принадлежат немаловажные открытия в сфере исторического истолкования славянских предправовых символов, характеризуя первые выдающиеся результаты, полученные в этой области, писал, имея в виду достижения Гримма, Мэна и Лейста: «Кажется, уже недалеко то время, когда эта программа будет заполнена, когда сравнительное правоведение достигнет таких же точных выводов, каких в короткое время достигло сравнительное языкознание»¹¹. Благодаря замечательным исследованиям Жерне по древнегреческому предправу (где были обоснованы многие выводы, предугаданные Фрейденберг), Турнейзена, Винчи и Уоткинса по кельтским традициям, Периханян — по среднеиранским, высказанную Павловым-Сильванским надежду на то, что это направление вместе с экономическими исследованиями может дать твердую основу социологии, можно считать сбывающейся, хотя и очень медленно. (В виде иллюстрации можно, например, заметить, что содержащаяся в древнеиндийских законах Ману формула превращения в волка находит соответствие в хеттских законах, в архаичной формуле у Платона, в древнеисландском праве и кельтских представлениях о волке, что дает возможность восстановить исходный индоевропейский прототип¹².)

Предправо, как и тесно связанное с ним сравнительно-историческое языкознание, принадлежит к тем наиболее продвинутым областям гуманитарного знания, где можно достаточно точно реконструировать прошлое. В последнее время некоторые из встающих при этом вопросов пробуют решить с помощью математического аппарата. Это касается как лексикостатистического определения времени расхождения родственных языков, так и группировки родственных диалектов по степени их близости¹³. На успешность первых шагов в этой области следует обратить внимание еще и потому, что самая возможность подобных точных исследований в науках о человеке и обществе многими ставилась под сомнение.

Речь идет о принципиальной допустимости в этих науках количественного (в более общем случае — точного) исследования, приводящего к выявлению четких закономерностей. Возражения против этого подхода к предметам гуманитарных

¹⁰ Там же. С. 209.

¹¹ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 483.

¹² Waikins C. Selected Writings. Innsbruck, 1994. P. 422—455; McCone K. Hund, Wolf und Krieger bei Indogermanen // Studien zum indogermanischen Wortschatz. Innsbruck, 1986; Иванова Вяч. Вс. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 34. 1975. № 5.

¹³ Warnow T. Mathematical Approaches to comparative Linguistics // Proceedings of the National Academy of the USA. Vol. 94(13). P. 6585—6590; Ringe D., Warnow T., Taylor A. et al. Computational Cladistics and the Position of Tocarian // The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia. Wash., 1998. Vol. 1.

занятий приходилось слышать с самых разных сторон, в том числе от таких крупных специалистов, как один из основателей и популяризаторов кибернетики Н. Винер¹⁴. Ему казалось, что даже при описании таких явлений, как язык, отсутствует регулярная повторяемость, делающая возможными выводы в естественных науках.

Эти соображения неверны, во всяком случае по отношению к строго организованным системам знаков. Если оставаться в пределах той же языковой иллюстрации, в качестве показательного примера можно привести санскрит. Возможно, что мы знакомы только с более или менее искусственной системой этого варианта древнеиндийского языка, который потому и был назван «обработанным», «отшлифованным». Симметричность форм санскрита, приспособленного для передачи знаний в кодифицированной форме, облегчила построение его грамматики, созданной Панини в середине I тыс. до н. э. и до наших дней остающейся образцом описания знаковой системы¹⁵. Она повлияла на развитие строгих методов в европейской и американской науке о языке у О. Бетлингга¹⁶, Уитни, Ф. Соссюра, Н. Трубецкого и Л. Блумфилда. Но, подобный формальной системе Панини, особый метаязык, служащий для изучения языка-объекта, может быть построен только при формализованном характере последнего, как показано на примере логических искусственных языков в исследованиях по метаматематике и математической логике.

Примером исключительно удачного построения формальной системы может быть морфологическое описание волшебной сказки, выполненное В. Я. Проппом¹⁷. Анализируя русские волшебные сказки из собрания Афанасьева, Пропп стремился понять общий план, лежащий в их основе, ориентируясь на идею «прарастения» (*Urfpflanze*) у Гёте. Пропп пришел к мысли, что выявленную им структуру волшебной сказки можно истолковать, предположив, что в основу ее первоначально была положена схема обряда инициации. По сходному пути в описании обряда коронации шел другой предшественник антропологии XXI в., английский этнолог А. Хокарт¹⁸, чьи работы уже упоминались.

Из исследований Проппа и Хокарта можно сделать выводы, касающиеся методологии гуманитарных наук в целом. Если определенный вид ритуалов (например, коронации и инициации) отличается формализованным характером, то и

¹⁴ Мне эту точку зрения довелось слышать от Винера, когда, приехав в Москву в 1960 г., он меня отговаривал от занятий математической лингвистикой. Об этом же, но более общо — по поводу всех социальных наук — он написал в своей книге о кибернетике: *Винер Н. Кибернетика*. М., 1958.

¹⁵ См. введение в его основные понятия: *Filliozat P.-S. Grammaire sanskrite paninienne*. P., 1988; *Scharfe H. Panini's Metalanguage // Memoirs of the American Philosophical Association*. 1971. № 81; *Katre S. M. Astadhyayi of Panini*. Texas, 1987.

¹⁶ Отто Бетлингг (1815—1904) — уроженец Петербурга (происходил из немецкой семьи, переселившейся в Россию при Петре I), ординарный, а затем и почетный академик Российской Академии наук (избран в 1855 г.), один из двух составителей наиболее полного словаря санскрита, переводчик и исследователь грамматики Панини, а также автор описания якутского языка по методу Панини (*Бетлингг О. О языке якутов / Пер. с нем. Новосибирск, 1989*).

¹⁷ *Пропп В. Я. Морфология сказки*. М., 1928 (2-е изд. 1969).

¹⁸ *Hocart A. M. Kingship*. Oxford, 1927 (2 ed. 1969); *Иванов Вяч. Вс. Очерки по предистории...* С. 687—688, 782 и сл.

тексты, над этими ритуалами надстроенные или отражающие их суть и структуру, имеют четко организованное строение. По отношению к таким ритуалам и текстам возможно построение метаязыка для их описания. Формальное описание таких текстов не предполагает однозначной их интерпретации. Если идея соотнесения структуры сказки с обрядом и вызывает сомнения, сам анализ этой структуры останется незатронутым этой полемикой.

Для систем, отличающихся меньшей регулярностью, попытка точного описания должна включать вероятностную характеристику. Недоверие к точным методам (логическим или статистическим) широко распространено среди представителей гуманитарных наук. Сравнительно недавно посмертно изданная юношеская статистическая работа А. Н. Колмогорова о новгородском землевладении осталась свидетельством того времени, когда будущий великий математик думал о занятиях историей¹⁹. Он бросил их, в частности, потому, что университетским профессорам истории одним статистических доказательств показалось мало²⁰.

Несмотря на то, что работа Колмогорова о новгородском землевладении XV в. написана без малого столетие назад юношей, которому тогда не исполнилось двадцати лет, она содержит мысли, развитие которых все еще впереди. Значительный интерес представляет использование в этой работе вероятностных методов для уточнения значения таких ключевых терминов, как *люди* («все рабочее население или, во всяком случае, категория лиц значительно более широкая, чем главы семейств») или *обжа* (единица обложения²¹). Кажется возможным утверждать, что здесь показана применимость вероятностных методов в исторической семасиологии, во всяком случае, в тех ее разделах, которые касаются определения значения терминов. Еще неожиданнее использованный автором способ выяснения родственных отношений однодеревенцев, живших в различных дворах. Он обнаружил, что «возможно подвергнуть статистическому исследованию данные, к этому вовсе не предназначавшиеся, как, например, имена»: Колмогоров использовал наблюдения над связью между собственными именами, вводя вероятность совпадения случайно взятой пары чисел²². Эти исследования находятся на полпути от экономической истории к семиотике.

Уже в зрелом возрасте Колмогоров вновь попытался внедрить точные методы рассуждения в гуманитарные исследования, обратившись к статистическому изучению стиха, начало которому было положено исследованиями Андрея Белого, продолжено в России Б. В. Томашевским, а в эмиграции К. Ф. Тарановским. Эту область гуманитарных исследований развивали главным образом ученые, сформировавшиеся в России (как М. Тарлинская, перенесшая их впервые на английское стихосложение в целом)²³.

Выдающийся отечественный филолог Б. И. Ярхо, вдохновляясь примером современной физики, думал о построении такой истории литературы, которая описывала бы волны стилистических пристрастий²⁴.

¹⁹ Колмогоров А. Н. Новгородское землевладение XV века. М., 1994.

²⁰ Янин В. Л. Предисловие // Колмогоров А. Н. Указ. соч.

²¹ Колмогоров А. Н. Указ. соч. С. 67—69, 75—82.

²² Там же. С. 63, 74.

²³ Иванов Вяч. Вс. Очерки по предистории... С. 658—664.

²⁴ Там же. С. 694.

Наиболее широкую картину воли или циклов, применительно к разным сферам экономической, политической и культурной жизни, наметил Н. Д. Кондратьев в набросках той общей теории, которую он продолжал достраивать на протяжении своего заключения (до нас дошла только часть его большого общего сочинения, написанного в тюрьме). Согласно выводам Кондратьева, в периоды экономического спада происходит интенсификация научного и технического поиска, делается максимум открытий, использование которых приводит затем к возможности нового технического и экономического подъема. Здесь находит свое разрешение проблема установления закономерностей связи между разными рядами социальной и семиотической деятельности, занимавшая ученых, которые продолжали линии исследований ОПОЯЗ, таких, как Роман Якобсон и Юрий Тынянов (в их тезисах 1928 г.).

Сближение с методами точных и естественных наук сулит и исследование симметрии. В цитированных выше лекциях Фрейденберг писала, что «полярность симметрии и обратной симметрии лежит в основе вешного мифа»²⁵. Если всю современную теоретическую физику, основы которой заложены Эйнштейном, удастся осмыслить как основанную на идее симметрии, то сходные результаты (предвосхищенные Романом Якобсоном) намечаются и в науках семиотического цикла. На этом пути можно видеть возможности реального объединения исходных принципов естественных и гуманитарных наук.

В трудах, посвященных проблемам образования городов, было уже обращено внимание на перспективы социальной физики. Некоторые общие закономерности, выявленные при изучении явлений природы (например, движения жидкости), оказываются достаточно общими и могут помочь выявлению аналогичных процессов в истории. Проблема установления границ между науками ставится по-новому. Нельзя отрицать того, что у гуманитарных исследований есть особый предмет. Но их методы не обязательно должны принципиально отличаться от тех, которые приняты в естественных науках.

К числу тем, которые в большей степени остаются табуированными в современной науке, принадлежит исследование вклада отдельных групп (этнических, религиозных, языковых) в те или иные стороны культуры. Боясь повторить ошибки или даже преступления, совершенные при злоупотреблении ненаучными или псевдонаучными «теориями» (например, о расовом превосходстве арийцев в нацистских писаниях), от занятий этого рода стали уклоняться. Это настолько же неразумно, как отказаться от астрономических наблюдений из-за нелепостей астрологии (в которых, кстати, до сих пор не все убедились) или от химических опытов из-за провала надежд алхимиков на получение золота. Мы не имеем права прекращать исследование тех областей, где были сделаны ошибочные предположения или высказаны бредовые мысли.

Несомненным остается то, что в истории религиозных, философских, научных, технических, эстетических достижений человечества наличествует резко выраженная неравномерность. Прорывы в будущее осуществляются в сравнительно ограниченные периоды времени небольшими связанными друг с другом

²⁵ Фрейденберг О. М. Указ. соч. С. 71.

группами одаренных людей — либо живущих в одном месте (как участники афинского интеллектуального подъема времени Перикла), либо собирающихся для совместной работы (как физики, съезжавшиеся из разных стран по приглашению Бора для работы в его институте в Копенгагене в годы становления и бурного развития квантовой механики). Оставляя в стороне вопрос о генетических истоках творческой активности каждого из них, представляющий собой увлекательную биологическую и психологическую проблему, можно выделить в качестве такого отдельного предмета исследования, который уже сейчас доступен для изучения, те языковые и семиотические предпосылки, без которых эти радикальные скачки в духовной эволюции человечества были бы невозможны. Еще А. А. Потебня, развивая идеи В. Гумбольдта, в лекции о языкознании как основе всех наук гуманитарного направления высказал предположение, что для становления математики были необходимы предпосылки, содержащиеся в самой системе числительных²⁶. В одной из пионерских работ в этой области основатель современной алтаистики Н. Поппе писал: «Слово, первоначально обозначавшее какое-нибудь определенное число, впоследствии приобретает более широкий смысл и начинает употребляться в значении “число вообще”»²⁷. Подтверждением этой закономерности может быть хет. *kutris* «число», сопоставляемое с названием числа 4 в других индоевропейских языках²⁸.

Из результатов, полученных при изучении ранних математических текстов, для истории семиотических предпосылок развития культуры едва ли не наибольший интерес представляют наблюдения В. В. Струве и следовавших за ним ученых²⁹. Они выявили особенности предписаний, объединяющих математические папирусы с медицинскими. Когда будет создан специальный язык, на котором могут быть описаны действия, необходимые для совершения интеллектуальных операций (в приведенном египетском примере — язык алгоритмических предписаний), дальнейшее развитие может оказаться стремительным.

Одной из характерных черт крупных мыслителей уходящего столетия — как философов (Витгенштейн, Рассел, Гуссерль), так и ученых (Бор) — было их сосредоточение на проблеме языка или, шире, знаковой системы, используемой в определенной области. Некоторые из названных выше областей гуманитарных наук выработали собственный, технически достаточно разработанный язык описания, применяющий (например, в сравнительном языкознании) систему особой записи. Можно думать, что дальнейшее продвижение потребует создания таких языков и для других гуманитарных наук.

²⁶ Потебня А. А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.

²⁷ Поппе Н. Н. Монгольские числительные // Языковедные проблемы по числительным. Л., 1927. Вып. 1. С. 117.

²⁸ Oettinger N. Anatolische Etymologien // Historische Sprachwissenschaft. 1995. Bd. 108; Иванов Вяч. Вс. Очерки по предыстории... С. 526. Во всех анатолийских языках в значении «4» используется другая основа.

²⁹ Struwe W. W. Mathematischer Papyrus der Staatlichen Museums der schönen Kunst in Moskau. В., 1930; Grapow H. Von den medizinischen Texten. В., 1955.